

В голове внезапно всплыла лишь одна мысль — мирный договор? Быть такого не может! По слухам, с государством и межгосударственным мирным договором и впрямь нужно быть осторожным, есть вероятность, что это приведёт к очень серьёзным последствиям!

Да и находясь в кромешной тьме на борту почти затонувшего судна, внезапно захочет подписать мирный договор?

— Это... не слишком уместно?

— Да где уж тут неуместно?! Неужели сказанное только что князем Мином — всего лишь слова, а на самом деле Ваша Светлость и не думал исполнять обещание?

— Мой статус вовсе не...

— Силэйский князь Мин вдруг проявляет некомпетентность вместо того, чтобы подписать договор от имени Силэй? Или всё же молодой господин рода Сяо не в состоянии решать дела рода Сяо?

Это? Разве это не считается одним из методов давления? Ведь это неравноправный договор, разве нет?

Приняв дерзкий вид, Хэ Ди не стал дожидаться, пока Его Светлость кивнёт, и равнодушно сказал:

— Раз уж князь Мин не хочет перейти на борт моего судна, тогда я позволю своим людям перейти на борт джонки князя Мина. Ох, наша даньлинская доброжелательность неожиданно вызвала настороженность, это и впрямь крайне усложняет дело. Если не ради будущего спокойствия нашей страны, то незачем тогда этому принцу так позориться. — И приказал своим подчинённым: — Кун Лю, спусти на воду быстроходную лодку и тотчас же отправляйся один, позволь им увидеть, как наши даньлинские люди делают своё дело.

Кун Лю отозвался: «Слушаюсь!» и, опустив на воду лодку, вскоре подплыл сзади к головной джонке рода Сяо. Когда пересаживался на борт корабля, мужчина держал в руках коробку, более того, Ло Дэн лично помог ему подняться на борт.

Было очевидно, что этот мужчина-полководец, по имени Кун Лю, всё же обладает мужеством, раз неожиданно согласился в одиночку ступить на территорию рода Сяо.

Если бы они знали, что Кун Лю с детства воспитывался в морском пиратстве, не стали бы так изумляться. Самыми рискованными в мире, постоянно имеющими дело с необычайно непредсказуемым морем и смертью, являлись именно морские разбойники. Их можно было смело назвать людьми, больше всех презирающими смерть.

Будучи отобранным из всех морских разбойников самим Хэ Ди и к тому же тщательно вложив все умения в обучение, Кун Лю как раз был таким человеком. Добравшись до Его Светлости и встав перед ним, как и перед мастерами искусства меча, что сейчас безэмоционально сжимали рукояти своих оружий, мужчина вытащил из коробки тушь и кисть с двумя уже составленными мирными договорами.

Среди всех членов команды на борту только люди Сяо Цзуна являлись мастерами меча? Разве убийства и судоходное дело благотворно сочетались с политикой? Хорошо осведомлённый Жун Ху, который, так или иначе, много лет следовал за Жун Тянем, с трудом полагался на кое-какую основу, но всё же отважился шагнуть вперёд и, взяв в руки документ, весьма почтительно передал его князю, в свою очередь, скрывшись у Его Светлости за спиной, помог прочесть содержимое.

Фэн Мин тщательно всё изучил, а то вдруг что-нибудь не совпадёт. Неравный договор. Однако, к удивлению, можно сказать, всё было составлено крайне недурственно — равноправный обмен и сотрудничество, к тому же Хэ Ди, являясь представителем даньлинского царствующего дома, красивым почерком расписался, да ещё заверил документ печатью.

Договор содержал три условия.

Условие первое: даньлинский царствующий род и армия вместе с обширной территорией, находящейся под управлением императора Силэй Жун Тяня, а также князя Мина из Силэй, с момента вступления в альянс подписывались в вечной дружбе и взаимном ненападении.

Условие второе: после освоения морского пути, с помощью которого можно поставлять светящийся песок, прибыль от продажи этой драгоценности обязательно должна делиться пополам. Вот только доход Даньлин будет идти не правящему роду, а напрямую в руки второго принца Даньлин — Хэ Ди.

И, наконец, третье условие: Хэ Ди также просит род Сяо поделиться долей от судоходного дела, используя прибыль от светящегося песка, — принц хочет выменять её на больший императорский куш от рода Сяо, а также товары повседневного обихода и военные материалы, в особенности десяток цзиней[1] смолы, которую используют при строительстве кораблей, и, главным образом, род Сяо ежегодно должен выделять определённое количество данного материала.

— Что думаешь? — Фэн Мин посмотрел на стоящего рядом Жун Ху.

Более того, подписав мирный договор между странами, нельзя раскаиваться. Князя впервые угораздило попасть в такую передрыгу, где хотелось бы тихо умереть, да только этого невозможно было сделать, и всё же Его Светлость действительно боялся бессознательно дать отпор принцу Даньлин, находящемуся напротив.

Пусть подписанный им договор содержит массу упущений, но, кто знает, может в будущем Жун Тяню, чтобы позаботиться о своём достоинстве, придётся следовать этому договору, хочет

он того или нет. Печально, если Жун Тяню этот договор принесёт лишние хлопоты.

Десяток цзиней смолы рода Сяо?! Впрочем — пустяк. Жун Ху с серьёзным взглядом несколько раз осмотрелся:

— Ваш подчинённый думает... Кажется, что это и впрямь лишь дружеский мирный договор. — Даже между слов и строк[2] двусмысленность как будто не звучала.

Подписать такие условия не только Даньлинь было выгодно, но также крайне полезно для Силэй и рода Сяо.

— Тогда я немедля подписываю?

— Погодите, — телохранитель Силэй, постоянно казавшийся недостаточно удовлетворённым, вновь взглянул и, указывая на изложенные выше детали, спросил:

— Сказанное выше звучит как искренние помыслы, а длительный обмен между сторонами будет осуществляться с помощью посланников, а можно ограничить число этих самых посланников или, наоборот, ограничений нет?

Понимая, о чём беспокоится Жун Ху, Кун Лю без какого-либо высокомерия вернул:

— На роль посланника, конечно же, нельзя брать таких влиятельных людей, как князь Мин или император Силэй, только подчинённых князя Мина или императора Силэй. Один хорошо знающий просторы даньлиньского моря командир будет весьма кстати. Да, поскольку морской путь чрезмерно труден, хорошо бы, чтобы генерал являлся молодым и в хорошей физической форме. А если к тому же обладает неплохим искусством меча, то ещё лучше.

Подавленные в сердце Жун Ху и Фэн Мин единодушно вспомнили о Цзы Яне. Касательно хорошего изучения даньлиньского пролива, из всех подчинённых Жун Тяня, пожалуй, подходил только он.

«Чёрт! Забыл». И, обратившись к Хэ Ди, князь спросил:

— Есть кое-какое дело, хочу посоветоваться с Вашим Высочеством принцем.

— Слушаю.

— У меня есть один подчинённый по имени Цзы Янь.

Сказанное князем имя жаром обдало тайники сердца, и, неожиданно на мгновение впад в ступор, Хэ Ди услышал продолжение речи Его Светлости:

— Недавно он отправился к побережью Тун, по слухам, хочет осмотреть и изучить положение морского пиратства. Знать не знаю, слышал ли принц о нём каких-нибудь новостей?

Сдерживая лёгкое покалывание, вызванное истомой, которое ни с того ни с сего охватило грудную клетку, обуреваемый ещё большим количеством дурных желаний, Хэ Ди по-прежнему с безразличным видом начал:

— М-м, я, кажется, слышал это имя. Цзы Янь? Угу, действительно слышал о нём.

На что Фэн Мин спешно начал допрашивать:

— Принц слышал какие-нибудь новости о нём?

— Слышал, он дважды сталкивался с даньлинскими разбойниками, к тому же успешно сбежал, полагаю, он в безопасности? — без раздумий нёс чепуху Хэ Ди, выходило правдоподобно, также принц, казалось, специально вспомнил кое-что и обратился к Фэн Мину: — Да, кстати, этот мужчина, видимо, довольно хорошо знает пролив Даньлинь, и кто бы мог подумать, он является подчинённым князя Мина. По-моему, такой способный человек как раз подойдёт на должность нашего постоянного посланника, более того, он обладает знаниями нашей морской территории. Будет лучше, если князь Мин лично назначит его в качестве посланника. Ну как?

Охваченный лёгким сомнением Фэн Мин обменялся с Жун Ху взглядом, так и не разгадав, что за зелье Хэ Ди продаёт в кувшине-тыкве[3], да и откуда они могли знать, какие отношения сложились между Хэ Ди и Цзы Янем?!

Однако Кун Лю прекрасно понимал намерения Его Высочества и, стоя в стороне, неторопливо добавил фразу:

— Сражаться с морскими разбойниками при малом количестве войск и впрямь крайне опасно. А новостей от того подчинённого князя Мина давненько не было слышно, кто знает, может, с ним что-то случилось. Если же он займёт должность специального посланника и задержится в моём Даньлинь, Его Высочество может немедля направить письмо во дворец, приказав находящемуся поблизости морскому войску прочесать всё водное пространство, и, кто знает...

Прикидывая в уме так и этак, никто не мог придумать и отыскать недостатки у отправляемого в качестве даньлинского посланника Цзы Яня, хоть расставаться было тяжело, однако обоюдно-дружеские отношения, которые несли в себе некое принуждение, для многих собравшихся людей являлись очень выгодными, во всяком случае необходимо направить кого-нибудь.

Раздумывая долгое время, князь в итоге кивнул:

— Хорошо. Давайте сюда кисть.

На что Жун Ху повиновался, подав кисть и тушь, кто-то из слуг помог Его Светлости развернуть две части договора, дабы Фэн Мину было удобно расписаться.

— Князь Мин, — вновь заговорил Кун Лю, — раз уж договорились, то не лишним было бы вписать в мирный договор полное имя назначенного посланника, таким образом мой принц как можно скорее отошлёт сообщение во дворец, попутно объявив по всему морю новость о посланнике, тем самым защищая его.

Последняя фраза являлась просто-напросто огромным искушением для Фэн Мина. Телохранитель Силэй, в свою очередь, хоть и удивился, но также понимал — исходя из нынешней ситуации, подобное решение являлось крайне выгодным для пропавшего без вести Цзы Яня. Так почему бы, в конце концов, не позволить Цзы Яню попасть под защиту правящего дома Даньлинь?! Ведь сейчас он самый могущественный на всей морской территории.

Его Светлость всерьёз подписал два договора, но вот беда — при нём не было печати, но Фэн Мин не растерялся, он обмакнул большой палец в чернила, а затем прижал к бумаге, тем самым оставляя отпечаток, который послужил в качестве своеобразной печати. После чего Жун Ху немедленно убрал их экземпляр, а Кун Лю — свой.

Дождавшись, когда Кун Лю вернётся с подписанным договором, Хэ Ди развернул документ и спешно пробежался взглядом лишь по фразе «специально назначенный посланник Цзы Янь», при мысли, что этот порядочный мужчина скоро попадёт в его, принца, руки и отправится вместе с ним в Даньлинь, член внезапно напрягся, да и самому Высочеству всей душой хотелось поднять лицо к небу, заливаясь долгим хохотом.

— Договор уже заключён, премного благодарен князю Мину. — Вручив Кун Лю на сохранение документ, Хэ Ди обхватил ладонью кулак, прощаясь с Фэн Мином. — Мы позже тоже отправимся в Тунцзэ, а когда прибудем туда, вновь встретимся с князем Мином. Постепенно князь Мин, несомненно, поверит в добрые намерения Даньлинь.

Хэ Ди, приказав поднять флаг на своём головном судне, возглавил несколько своих кораблей и самодовольно уплыл как ни в чём не бывало.

Из-за царящего сумбура князь неосмотрительно подписал мирный договор, и сейчас, стоя на носу тонущего судна, смотрел вслед растворяющемуся вдали кораблю Его Высочества второго принца, чувствуя, как душу словно окутывает туман, который мешал здраво мыслить.

Произошедшее сегодня ночью получилось до удивления невразумительным, к чему нужно было устраивать кровопролитное сражение, почти уничтожать корабли, чтобы потом неожиданно заключить договор о взаимном ненападении? И в эту минуту вспомнилось ещё кое-какое дело, спешно развернувшись к Жун Ху, Фэн Мин спросил:

— Где Цю Лань с девушками? Куда ты их спрятал?

На что Жун Ху ответил:

— Молодой господин, успокойтесь, все девушки во втором внутреннем трюме, Ваш подчинённый оставил там ещё нескольких мастеров меча для защиты, сейчас они тайком не сводят взгляд, даже враг не приблизится. — И телохранитель приказал своим приближённым спуститься и, забрав служанок из убежища, взять быстроходные лодки и отправиться к берегу, где безопасно.

Фэн Мин кивнул и немного успокоился. Борт корабля был усеян трупами, вынуждая как можно скорее плыть к берегу. Ло Дэн больше уделял внимания положению сторон Даньлин и, увидев, как даньлинские джонки действительно скрываются из виду, вздохнул с облегчением, после чего, смахнув холодный пот, запросил указаний:

— Молодой господин, нам тоже нужно как можно скорее пристать к берегу — головная джонка обречена.

На что Ло Юнь прервал молчание:

— Этот даньлинский принц — недостойный человек, он враг, рано или поздно мы ему вернём должок.

Фэн Мин словно ненадолго выпал из реальности и только потом, придя в себя, со вздохом заговорил:

— Заранее понимая, что бой ничего особенного из себя не представляет, к чему тогда давать волю рукам, отнимая жизнь у стольких людей? Ло Дэн, все тела, несмотря на то, что принадлежат врагу или нам, похорони. Даже если попадутся живые, не нужно залечивать им раны.

Жань Цин вмешался:

— Противники, боюсь, все сдохли, даже если кто-то из них ещё жив, то не то что не дам им залечить раны, глотку мечом перережу, так будет лучше. Да и кто знает, скольких наших людей они убили в только что прошедшем бою?!

— Верно, избавить врага от страданий — милосердие[4].

— Вздор! — внезапно тихо прорычал Фэн Мин.

Молодой господин рода Сяо, обладавший мягким темпераментом, всегда был послушен, словно

паинька, потому оставлял впечатление уступчивого труса. Но этот злобный рык, прозвучавший ни с того ни с сего, заставил всех находящихся рядом слуг вздрогнуть от испуга.

Пристально осмотрев палубу, на которой осталось всего несколько кровоподтёков — большую часть крови смыла речная вода — Его Светлость шёпотом спросил:

— Вы знаете, сколько один лёгкий взмах меча может унести с собой жизнью? Всё происходит постепенно, благодаря каждодневной заботе, чтобы поставить раненого на ноги, потребуется много продовольствия, и в чём смысл проводить столько времени, днём и ночью занимаясь искусством меча? Звери, только оказавшись в отчаянном положении, убивают друг друга, само собой разумеется, подобное касается и нас, хоть мы и люди. — Посмотрев на палубу, которая уже смочилась водой, Его Светлость приказал: — Спустить на воду оставшиеся быстроходные лодки и всем направиться к берегу. Головную джонку не трогать, покамест оставим её здесь, а там посмотрим, может быть, вообще бросим, или, возможно, отремонтируем её, всё будет зависеть от решения Ло Дэна.

На что Ло Дэн благоговейно отозвался:

— Слушаюсь, молодой господин.

— Жань Цин.

— Здесь.

— Ты презираешь человеческую жизнь, потому будешь наказан лишением меча на десять дней.

Жань Цин внезапно изменился в лице. В банде головорезов семьи Сяо никогда не расставались с мечом или клинком, не говоря уже о десяти сутках, да даже больше часа без оружия никто не мог вынести.

— Молодой господин...

Пережив сегодняшнюю ночную баталию, люди семьи Сяо невольно ощутили к Фэн Мину иные чувства, не то что в былые времена, а сейчас, услышав, как Его Светлость наказывает одного из них, люди Сяо Цзуна, к своему удивлению, не осмелились идти на конфликт.

Жань Цин — молодой мастер меча из рода Сяо — неизвестно, то ли страшился наказаний, то ли дрожал от необычайно злобного сегодня молодого господина, и, словно стоя перед старым господином, юноша шумно рухнул на колени, требуя другого наказания:

— Жань Цин заслуживает смерти и просит молодого господина наказать его кнутом, как принято у рода Сяо, только умоляю молодого господина не лишать оружия.

Атмосфера, царящая после ожесточённого боя на реке Оман, где по-прежнему можно было почувствовать лёгкий запах дыма и крови, ещё больше придавала находящемуся на шатком носу судна и стоящему лицом к ночному ветру стройному телу незаурядного князя Силэй, обладавшего выразительной внешностью, которая сейчас скрывалась во мраке, неопишущую для людей Сяо Цзуна хладнокровность и серьёзность.

Стоящий в двух шагах Жун Ху, увидев, как опустившийся на колени Жань Цин заставил грудь князя Мина яростно вздыматься, ошибочно предположил, что всегда мягкосердечного князя вновь одолевает совесть, из-за чего Его Светлость может размякнуть и простит Жань Цина.

Неожиданно Фэн Мин спокойно перевёл дыхание, но тем не менее прошептал:

— Тебе не нравится моё наказание, вероятно, тебе не хочется оставаться в семье Сяо?

Он, в конце концов, молодой господин рода Сяо, и хоть его слова звучали крайне невесомо, однако давление с его стороны заставило даже Ло Юня напрячься помимо своей воли. Всё это время он молча наблюдал за Фэн Мином, который, подвергшись упрёкам и насмешкам, также щурился в улыбке, так как обладал до ужаса мягким характером. Если поразмыслить, то, в действительности, будучи молодым господином рода Сяо, Фэн Мин имел полное право распоряжаться людьми своего отца, который совершенно не был против, да и кто посмел бы ставить под сомнения приказы молодого господина?

Даже Ло Юнь содрогнулся, вспомнив это, не говоря уже о Жань Цине. Губы юноши, который больше всего боялся быть изгнанным из рода Сяо, внезапно побледнели, а сам он, находясь в замешательстве, снял с пояса меч вместе с ножнами и положил на палубу.

Фэн Мин косым взглядом окинул подчинённого, когда клинок опустился, твёрдые руки, привыкшие держать меч, вопреки ожиданиям, мелко задрожали.

Только сейчас Его Светлость вспомнил, что во время ожесточённого боя, произошедшего недавно, Жань Цин «поймал» стрелу и хоть сам он не получил серьёзных ранений, однако снотворное всё же действовало. Когда Фэн Мин стоял напротив Хэ Ди, стоящий сзади Жань Цин, как и большинство из свиты Его Светлости, вероятно, держался из последних сил, уже не в состоянии воевать.

В душе не вытерпев, князь Мин беззвучно разомкнул губы. Но Жун Ху, видя, что Его Светлость открыл рот, а если он сейчас начнёт нести вздор, то тотчас же порушит только что приобретённую репутацию, хоть Жань Цина было немного жаль, но десять дней пролетят, не успеет и глазом моргнуть, потому телохранитель Силэй поспешил опередить Фэн Мина и сказал:

— Князь Мин, нужно садиться в лодку.

Фэн Мин, поняв, проронил лишь «м-м», после чего обратился к Ло Юню:

— Оружие Жань Цина временно будет у тебя, позаботься о его сохранности. А по истечении срока наказания вернёшь ему. — Демонстрируя всем своё упрямство, Его Светлость развернулся и повёл за собой множество других слуг к быстроходным лодкам, готовым вот-вот подобрать пассажиров и высадить на берег.

Примечания:

[1] Китайский фунт, равен 10 лян/500 граммам в КНР и Малайзии, 16 лян/600 граммам в Гонконге, Сингапуре, на Тайване.

[2] Обр. в знач.: скрытое значение, намёк.

[3] 葫芦里卖的什么药 (húlu lǐ mài de shénme yào) — хулу ли май дэ шэньмэ яо — букв. что за зелье (он) продает в кувшине-тыкве, обр.: какие (у него) намерения, что (у него) в рукаве припрятано, что (он) задумал.

[4] В оригинале фраза звучит как «женское милосердие», ирон. о мелком благодеянии, о дамской благотворительности.

<http://bllate.org/book/13377/1190240>